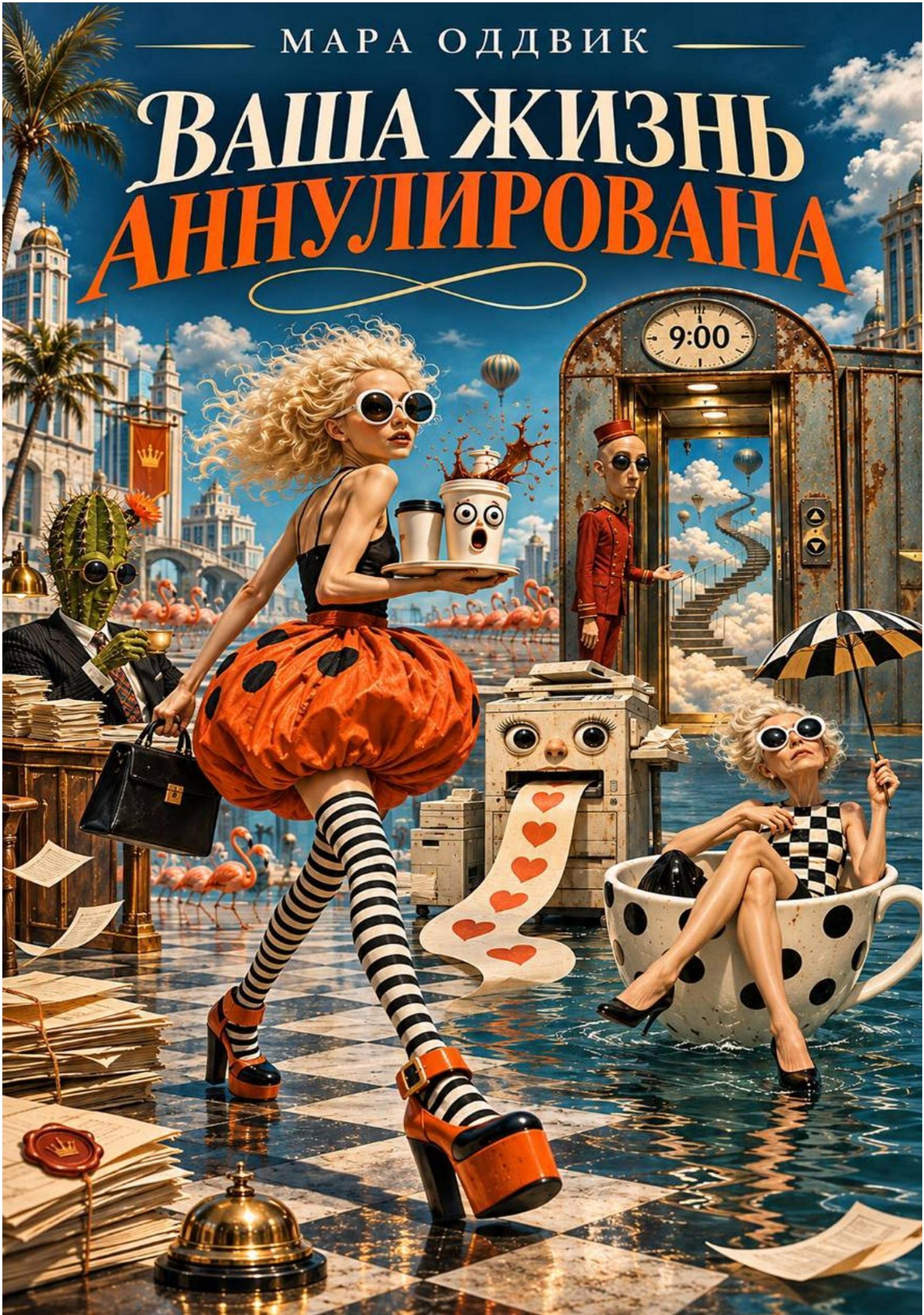

МАРА ОДДВИК
ВАША ЖИЗНЬ АННУЛИРОВАНА
9:00

Мара Оддвик

Ваша жизнь аннулирована

«Автор»
2026

Оддвик М.

Ваша жизнь аннулирована / М. Оддвик — «Автор», 2026

В девять утра Рокси Марлоу узнаёт, что её жизнь аннулирована. До шести вечера ей предписано освободить реальность. Подать жалобу нельзя: по документам заявительницы не существует.Пока лучшая подруга постепенно забывает Рокси, та ищет ответы в деле семнадцатилетней давности. Её ждут лифт между альтернативными жизнями, чиновник-кактус, принтер, печатающий человеческие чувства, и женщина, которая живёт в гигантской чайной чашке посреди моря.Самая неприятная находка: на документе об аннулировании стоит её собственная подпись. И похоже, от этой подписи зависит не только её судьба.

© Оддвик М., 2026
© Автор, 2026

Мара Оддвик
Ваша жизнь аннулирована

Глава 1

Пожалуйста, освободите реальность

— Нет, Луиджи. Капуста не считается белыми пионами. Даже если поставить её в вазу и погасить свет.

В трубке засопели. За сопением обычно следовал рассказ о грузовике, который не приехал, и просьба не трогать аванс.

— Пионы застряли на границе, — сообщил Луиджи.

Рокси остановилась у пекарни. В витрине отразились круглые белые очки, светлые волосы, не удержавшие за ночь ни одной шпильки, и оранжевая юбка, занимавшая половину тротуара.

— На какой границе? Теплица в сорока километрах отсюда.

— Между районами тоже существуют границы.

— Возьми у соседей белые розы. Я доплачу. И, пожалуйста, убери капусту с площадки до приезда невесты.

— Но я уже всё привёз!

— Отвези маме. Она умеет готовить?

— Моя мама умерла.

Рокси опустила телефон. В июле мать Луиджи кормила её ньокки и жаловалась, что сын совсем её не навещает.

— В июле она приглашала меня на ужин.

Луиджи замолчал.

— Она очень общительная женщина, — сказал Луиджи.

— Розы, Луиджи. Не капуста.

Рокси отключилась. Вторых похорон матери Луиджи ей на сегодня не требовалось.

До свадьбы Клары оставалось семь часов. Невеста просила белые цветы и «никакой похоронной атмосферы». А Джей только что прислал фотографию сцены с четырёхметровыми чёрными лентами.

«КЛАРА. НАВСЕГДА В НАШИХ СЕРДЦАХ».

Чёрный атлас, золотые буквы. Под надписью торчала белая орхидея.

Рокси набрала помощника.

— Джей, сними это немедленно. Не выбрасывай, просто спрячь так, чтобы никто не увидел.

— А цветы к чему крепить? Арки ещё не готовы.

— К аркам, когда будут готовы. И проверь карточки с именами гостей. Я больше не хочу сюрпризов из траурного бюро.

— Думаешь, Клара заметит?

— Джей. Она заметит.

Джей начал выяснять, кто согласовал ленты. Рокси велела ему найти заказ, но осветитель уже прислал новое сообщение: арки нужно переставить, иначе солнце будет бить гостям в глаза.

Она ответила: «Покажи на фото». Вчера он предупреждал её о том же. Рокси тогда попросила не отвлекать её по пустякам.

Она засунула телефон в сумку, поправила сползшую пряжку левой туфли и вошла в кафе Бет.

В кафе пахло мокрой обувью, корицей и поджаренным маслом. Над кофемашиной висела табличка «ЗАВТРАКИ ДО 11:00». После одиннадцати Бет переворачивала табличку другой стороной, где от руки было выведено «ПОЗДНИЕ ЗАВТРАКИ».

Бет, в зелёном фартуке и с карандашом за ухом, пыталась вывести молочной пеной листик. Кончик раздвоился, и вышло что-то больное.

— У тебя папоротник умирает, — сказала Рокси.

— Это кофе. Ты будешь заказывать?

— Самый большой. И ещё мне нужен кто-нибудь с двумя руками и здоровыми нервами на ближайшие шесть часов.

— Джея ты куда дела?

— Он занят тем, что хоронит невесту до свадьбы.

Рокси показала ей фотографию.

— Красиво, — сказала Бет. — Дорого выглядит.

— Не помогай.

Бет поднесла экран к окну, повернула телефон боком. Потом заметила туфлю.

— Сядь. У меня есть нормальная лента.

— Эта держится.

Рокси шагнула назад. Пряжка тут же отстала от ремешка и повисла на полоске строительного скотча.

— Дай ногу, я найду нормальную ленту. Ты сегодня ела?

— Вчера вечером.

— Я про сегодня.

— Не придирайся к формулировкам.

Рокси вытянула ногу. Оранжевая платформа была такой высокой, что даже с бордюра приходилось спускаться с осторожностью. Полосатые чулки исчезали под пышной юбкой, похожей на запасной спасательный круг. Бет давно перестала спрашивать, удобно ли в таком работать.

Пока Бет искала рулон ленты, Рокси вывалила на стойку содержимое сумки. Три прищепки, визитки, сломанные солнечные очки, ключ с красной биркой, мешочек из тёмного бархата.

С мешочком она замерла.

— Чёрт. Кольца.

— Чьи?

— Клары. Я должна была отдать их Джею.

Она вытряхнула два золотых кольца на ладонь. Одно покатилось к краю стойки. Бет поймала его салфеткой раньше, чем оно оказалось в раковине.

— Пожалуйста, убери, — сказала Бет. — Мне тут только кольца в сливе не хватает.

Рокси затянула на мешочке два узла и убрала его во внутренний карман. Передать кольца Джею нужно было ещё вчера.

— Ты можешь двадцать минут не смотреть в телефон? — спросила Бет.

— После шести.

— Вчера ты сказала «после семи».

— Вчера было другое мероприятие.

Бет поставила перед ней кофе. На крышке чёрным маркером было написано «РОКСИ», ниже: «ДОЛГ 6,70».

Рокси взяла стакан, но сделать глоток не успела.

За окном засигналили сразу несколько машин. Бет вздрогнула, и молочное сердечко на капучино для другого посетителя расплылось.

По пешеходному переходу шли фламинго.

Сначала показалась одна птица: розовая шея над машиной, тонкая нога на белой полосе. Следом вышла вторая. Потом ещё несколько. Из-за фургона всё появлялись новые головы.

Фламинго шли попарно, внимательно выбирая, куда поставить ноги. У последней птицы за щиколотку зацепилась серебристая праздничная лента. Водитель фургона высунулся из окна, принялся ругаться и вдруг умолк: самая крупная птица остановилась и уставилась на него одним жёлтым глазом. Он убрал руку с клаксона.

— У нас есть зоопарк с фламинго? — спросила Бет.

— У нас есть зоопарк без фламинго.

— Может, частная коллекция?

— Очень частная. На Девятой улице.

Зелёный свет загорелся, погас и сменился красным. Фламинго продолжали идти.

Рокси подняла телефон. Хотелось отправить Джею видео: пусть посмотрит, что такое настоящий организационный кризис. Но экран завибрировал у неё в руке.

Девять ноль-ноль.

Фотографию сцены перекрыло белое окно с синей рамкой. В углу стояла печать: девятка внутри тонкого круга, как клеймо на дорогом фарфоре.

«УВЕДОМЛЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ АДРЕСА ПРИСУТСТВИЯ».

Ниже стояло:

«Ваша жизнь аннулирована. Просим освободить реальность до 18:00 текущего дня».

Первой мыслью было: мошенники. Недавно осветителю прислали фальшивый штраф за парковку, и три дня с него списывали деньги за гороскоп. Но здесь не было даже ссылки.

— Бет, ты давала кому-то пароль от своего интернета?

— Пароль написан на меню. А что?

Рокси протянула ей телефон.

Бет прочла сообщение и не засмеялась.

— Ссылок нет. Это странно.

— Перезапусти телефон. И не вводи никаких данных.

Рокси перезагрузила телефон. Сообщение исчезло. Код доступа работал, приложения открывались.

— Пропало, — сказала Рокси.

Бет всё ещё смотрела на её экран.

— Оно было.

— Я знаю.

Рокси глотнула кофе и обожгла язык. Чтобы не смотреть на Бет, она открыла переписку с флористом и снова стала думать, куда девать капусту, если розы не привезут. Тогда стакан заговорил.

— По вопросам аннулирования просьба обращаться в установленном порядке.

Голос был мужской и до того учтивый, что хотелось повесить трубку.

Рокси отняла стакан от губ. На крышке выступила капелька кофе.

— Слышала?

Бет стояла за стойкой, держась за ручку питчера с молоком.

— Да.

У окна мужчина в полосатой рубашке перевернул газетную страницу. Он даже головы не поднял.

— Откуда звук? — спросила Рокси.

Бет проверила кофемашину, заглянула под кассу.

— Я их коробками покупаю. Обычный картон.

Рокси сняла крышку, проверила внутреннюю сторону, повертела стакан на свет. Тёплый картон, кофе и никакой электроники.

— Повторите, пожалуйста, — сказала она.

— Для подачи возражения используйте приложение девять.

— Где оно?

— Доступ определяется статусом заявителя.

— Хорошо. Какой у меня статус?

— Статус заявителя не установлен.

Рокси поставила стакан на стойку. Бет пододвинула к ней маленькую керамическую чашку для эспрессо.

— Перелей сюда.

— Ты хочешь, чтобы он замолчал?

— Я хочу понять, кто здесь умничает.

Рокси перелила кофе. В керамике он молчал. Из почти пустого картонного стакана немедленно донеслось:

— Перенос дела в другую тару без согласования не допускается.

— Это мой кофе. Шесть семьдесят, между прочим.

— Классификация находится на рассмотрении.

Рокси собиралась ответить, но Бет подняла руку.

— Подожди. Не трогай его. Я позову Гарри.

Гарри сидел у окна уже сорок минут и дважды жаловался на обслуживание. Он подошёл, хрустя газетой, и стакан сразу умолк.

— Вы уверены, что он разговаривал? — спросил Гарри.

— Мы обе слышали, — сказала Бет.

— Тогда удачи вам с этим, — ответил Гарри и забрал свою газету.

Рокси достала телефон и включила запись. Стакан по-прежнему молчал. Пришлось взять его в руку и снова задать вопрос.

— Я хочу знать, кто прислал мне уведомление.

— Для получения реквизитов уполномоченного лица необходим действующий адрес присутствия.

Она остановила запись и включила её. Собственный голос, кофемашина, чей-то кашель. Вместо ответа стакана — слабый стук. Рядом никто не держал ложку.

— На записи ничего, — сказала Рокси.

— Но я слышала. И ты тоже.

Бет освободила на стойке место и положила рядом салфетку.

— Нужно заплатить за кофе, — сказала Рокси. — Потом займусь этим идиотским сообщением.

— Можешь завтра.

— Бет, если я скажу «завтра», ты будешь припоминать мне этот кофе до Рождества.

Она приложила карту к терминалу. Раздался отказ. Бет перевела взгляд с экрана на Рокси, вставила карту в считыватель и попробовала ещё раз. Из аппарата вылезла узкая бумажная полоска.

«ПЛАТЕЛЬЩИК ОТСУТСТВУЕТ».

Она должна была позвонить осветителю. Вместо этого снова перевернула карту. Было четверть десятого.

— Покажи мне свою карту, — попросила Бет.

Рокси поднесла карту к окну, повернула боком и провела ногтем по пустой полоске. Имя не появилось. Она посмотрела на руку с облупившимся чёрным лаком; ногти и царапины никуда не делись.

— Но я же здесь, — вырвалось у неё.

Рокси открыла кошелёк и достала водительские права. Имя на карточке с фотографией пока сохранилось.

— Пока есть, — сказала она почти беззвучно.

— Что? — спросила Бет.

— Ничего. Дай мне минуту.

Бет вышла из-за стойки, поставила рядом стул и принесла стакан воды.

— Садись. Позвоню Джею.

— Не надо.

— Он хотя бы знает, что происходит на площадке.

— Знает. Поэтому я ему и плачу.

Бет подвинула стул. Рокси села, морщась от пряжки, которая царапала щиколотку.

— Ты спала? — спросила Бет.

— Пять часов.

— Ела?

— Ты уже спрашивала.

— Это не ответ.

— Бет, ты сама видела птиц и слышала стакан. Не начинай со мной разговор о переутомлении.

— Я ничего не объясняю. Съешь хотя бы хлеб. Потом будем думать.

Бет принесла тёплый хлеб с маслом. Рокси обожгла нёбо, облизнула палец и всё-таки откусила ещё.

Бет достала из кармана блокнот и ручку.

— Сначала записываем.

— Что именно?

— Что было. По времени.

— Телефон у нас есть.

Бет накрыла банковскую карту ладонью, чтобы её не разглядывали другие посетители.

Бет нашла чек, который выдал терминал, перевернула его и проверила часы. Девять семнадцать. На обороте аккуратно написала:

«09:17. Рокси Марлоу пьёт кофе, обзывает кассу идиоткой и существует».

— Кассу я не обзывала.

— Ещё успеешь.

Бет прижала чек сахарницей, а на отдельном листе стала записывать события по порядку. Рокси поправила время появления фламинго, потом дважды потянулась за ручкой. Бет не отдала.

— Теперь бумагу в сумку, — сказала Бет. — Чек забери. И вот зарядка.

— Я не уезжаю в горы.

— А я не сказала, что ты уезжаешь.

Бет добавила зарядку, две прищепки, металлическую ручку и рулон ленты. Рокси хотела сказать спасибо, но спросила:

— Ты купила новые прищепки?

— Те же самые.

Рокси проверила, на месте ли кольца, и застегнула карман.

На телефоне всё открывалось. Уведомление не вернулось. Рокси позвонила банковскому менеджеру.

«Указанный клиент не обслуживается», — сообщил автомат.

Она набрала ещё раз. Услышала тот же ответ и сбросила вызов.

— Позвони мне, — попросила Бет.

Рокси набрала её номер вручную. На стойке зазвонил телефон Бет. Та ответила:

— Кафе «Бет». Чем могу помочь?

Голос Бет прозвучал рядом и в динамике. Рокси смотрела на экран, пока в углу не появились секунды соединения. Одна, две, три.

— Ты тут? — спросила Бет, хотя стояла в двух шагах.

— Да. Я тут.

Рокси отключилась. Бет посмотрела на неё поверх своего телефона, но ничего не спросила.

Позвонил Джей.

— Розы нашли, — сказал он. — Кремовые. Клара хочет посмотреть сцену прямо сейчас.

— Покажите ей ткань для арок. Скажи, что цветы в холодильной комнате, их нельзя выносить на солнце раньше времени.

— Она уже видела ленты.

Рокси села ровнее.

— Что сказала?

— Спросила, кто умер. Я сказал, что опечатка.

— Ты сказал, что это опечатка?

— А что я должен был сказать?

Рокси не нашлась с ответом. Ленты следовало снять ещё до приезда Клары.

— Ладно. Розы принимай, ленты спрячь. Скинь мне фотографии сцены со всех углов. Ничего не двигай, пока не посмотрю.

— Световик утверждает, что арки надо переставить. Утром солнце бьёт прямо в лица.

— Солнце не поменяло сторону с вечера, Джей.

— Вчера вечером солнце было по другую сторону зала. Я говорил.

Рокси прикрыла глаза. Говорил. Вчера, дважды.

— Пришли фотографии. И прости, что вчера не послушала.

— Ты где вообще? Тебя ждут.

Перед Рокси стояли Бет, чашка с остывшим кофе и банковская карта, на которой больше не было её имени.

— Я пока не приеду.

— Что случилось?

Соврать о болезни было бы проще. Только Джей знал её три года и непременно приехал бы спасать.

— У меня с документами какая-то ерунда. Разбираюсь. Ты пока за главного.

На том конце возникла короткая пауза.

— Прямо за главного?

— Да. Но если что-то пойдёт не так, звони. Кольца у меня, передам позже.

— Ясно.

— И никакой капусты.

— Это я понял ещё утром.

— Я съезжу в банк, — сообщила она. — Потом найду, откуда взялось уведомление. Если это чья-то дурацкая шутка, он мне компенсирует каждую минуту.

Бет забрала у неё бумажный стакан.

— Оставь здесь.

— Я за него ещё не заплатила.

— Вот и хорошо. Побудет у меня.

Рокси потянулась к стакану, но входная дверь открылась. С улицы вместе с жарой вошёл мужчина в серой форменной рубашке. У него болталась прозрачная папка и пустой пластиковый держатель для бейджа. Мужчина остановился у стойки и прочёл имя на листе. Потом оглядел кафе.

— Рокси Марлоу?

— Это я.

Рокси подняла руку, но он всё равно повторил её имя, на этот раз медленнее. Потом посмотрел в лист и нахмурился.

— Документ, удостоверяющий личность, есть?

— Для начала ваш покажите.

Мужчина пощупал пустой держатель и явно расстроился.

— Бейдж сегодня не выдали. Простите. Я курьер.

Он извлёк кремовый конверт. На нём было напечатано имя Рокси, название кафе и больше ничего: ни почтового адреса, ни марки. В углу стояла синяя печать, внутри которой тонкие линии складывались в цифру девять.

— Отправитель? — спросила Рокси.

— В моей части маршрута не указан.

— А в какой указан?

— Наверное, в предыдущей. Мне передали и велели вручить лично.

— Кто передал?

— Сотрудник предыдущего маршрута.

— Его фамилия?

Курьер помялся.

— Не спрашивал. Мне просто передали конверт.

Он протянул ей ручку и лист доставки. Бет, стоявшая за плечом Рокси, слегка коснулась её локтя.

— Не расписывайся, пока не прочтёшь.

— Она может ознакомиться, — сказал курьер, и впервые в голосе у него послышалось облегчение.

Он положил конверт на стойку, подвинул к себе лист и приготовился ждать.

Внутри были три листа плотной бумаги с голубыми волокнами. Первый почти слово в слово повторял сообщение с телефона. Только здесь Рокси увидела собственные дату рождения и домашний адрес, напечатанные без ошибок.

Внизу чёрной полосой шло:

«ВРЕМЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ: 18:00».

Бет наклонилась ближе.

— Кто-то знает, где ты живёшь.

Рокси молча перелистнула страницу.

Второй лист был весь в таблицах и синих штампах: «Статус получателя», «Порядок подачи возражения», «Право на присутствие». Почти везде стояло «НЕ ПРИМЕНИМО». Только напротив последней графы: «ПОДЛЕЖИТ ЗАКРЫТИЮ».

Под таблицей, почти незаметно:

«Настоящее уведомление не освобождает заявителя от ранее принятых обязательств».

Рокси провела ногтем по строчке. Из реальности её собирались вычеркнуть, а прежние обязательства оставить.

Третий был копией старого документа. Тёмный край, следы подшивки, отверстия от скоб, расплывшийся угол печати. В заголовке значилось «ОТЛОЖЕННОЕ СОГЛАСИЕ». Дата была семнадцатилетней давности.

В памяти вспыхнул зал с мокрым деревянным полом. Кто-то вытаскивал стулья через служебную дверь; на пороге лежал красный шнурок от рабочего свистка, перерезанный ножницами. Рокси чувствовала запах мокрой ткани так отчётливо, что на миг перестала ощущать корицу в кафе.

Праздник в городском павильоне. Семнадцать лет назад.

Она знала, откуда взялся шнурок. Но не могла вспомнить, кому отдала свисток.

Соглашение было набито длинными предложениями о присутствии, ответственности и временном порядке. Рокси прочла начало дважды и спустилась к последней строке.

Там стояла её подпись.

Огромная «М», уходящая в соседнюю графу, и резкий росчерк в конце. Рокси давно так не подписывалась: после перелома запястья буквы стали мельче.

— Твоя? — спросила Бет.

Рокси кивнула.

— Не помню этого документа, — сказала она.

Бет хотела что-то спросить, но Рокси перевернула страницу.

На обороте был номер: «9/63».

Курьер кашлянул. Ручка зависла над ведомостью; за спиной у него собиралась очередь за утренним кофе.

— Вы распишетесь в получении?

— Нет.

— Тогда поставлю отказ.

— Поставьте. И укажите, что мне отказываются сообщить отправителя.

— У меня нет для этого графы.

— Напишите на полях.

— Там нельзя. Поля печатные.

Рокси потянулась к ручке, собираясь написать сама, но он убрал ведомость.

— Передача состоялась, — сказал курьер. — Подпись не обязательна, если документ вручен лично.

— Я ничего не подтверждала.

— И не нужно. Я отмечу отказ.

Курьер крепко держал папку. Рокси хотела спросить, сколько таких конвертов он уже разнёс, но промолчала.

— И последнее, — сказала она. — Кто-то действительно ждёт, что я сегодня перестану существовать?

Курьер поднял глаза. В них не было ни интереса, ни удивления.

— Я не знаю, что от вас ждут. Я доставляю уведомления.

Он поставил отметку, закрыл папку и ушёл. Колокольчик над дверью звякнул. Бет проводила курьера взглядом и закрыла дверь плотнее. С улицы всё равно тянуло жарой.

Пряжка на левой туфле щёлкнула о плитку. Бет нагнулась и подняла её. Рокси не заметила.

Бет достала прозрачную папку с договорами на поставку продуктов, вынула счета и вложила туда три листа вместе с конвертом. Сверху положила чек с записью о девяти семнадцати.

— Теперь это не потеряй, — сказала она.

Рокси закрыла папку. Сквозь пластик виднелась её старая подпись. Над ней проходила тонкая синяя линия от печати, похожая на царапину.

На часах было 9:25. До шести оставалось восемь часов тридцать пять минут.

Глава 2

Девять пропавших минут

Бет перевернула уведомление лицевой стороной вниз и взяла телефон.

— Полицию вызову.

— Из-за письма или из-за стаканчика?

— Из-за того, что тебе угрожают.

Рокси накрыла её телефон ладонью.

— Дай мне пять минут. Сначала проверю ключ.

Бет положила телефон экраном вниз.

За окном фламинго стоял в тени остановки. Школьник протягивал ему бутерброд; птица отвернулась.

Рокси развернула лист с подписью. Старые следы от скоб, сгиб поперёк текста, круглая дырочка у даты. В графе «маршрут» была напечатана девятка. Ещё одну кто-то вывел на обороте от руки.

— Этот почерк я уже видела.

— Ты его сама написала?

— Нет. У меня девятки с прямыми хвостами.

Она полезла за блокнотом и нащупала ключ с красной биркой, который высыпала утром на стойку вместе с прищепками. На выцветшем пластике проступала чёрная девятка.

— Он всё это время был у тебя? — спросила Бет.

— Похоже на то. Только я не помню, откуда он взялся.

Ключ годами кочевал из сумки в сумку. Рокси собиралась выбросить его, однажды даже пыталась открыть им кладовку. А потом он грохнулся на дно металлического ящика с аварийными принадлежностями. Где стоял ящик, она уже не помнила.

Бет повертела ключ в пальцах.

— Над девяткой царапина. Может, это адрес?

— Девятая улица, — сказала Рокси.

Девятая улица тянулась от рыбных складов к набережной. Там, над старым рынком, стояла часовая башня, которую город безуспешно чинил много лет. Семнадцать лет назад по этой улице шёл Парад фламинго. Рокси вспомнила мокрые доски павильона, на которых скользила обувь, и чьи-то пальцы, больно сжавшие её локоть.

— Рокс?

— На Девятой работает Диксон. Смотритель часов. Он был на том параде.

— При чём здесь парад?

— Не знаю, — сказала Рокси. — Поэтому и еду.

Она набрала в поиске «Парад фламинго. Меридиан-Бэй». Современные афиши, перекрытые улицы, реклама надувных кругов. Старая фотография площади мигнула и превратилась в серый прямоугольник.

— Попробуй мой, — сказала Бет.

На телефоне Бет снимок открылся: дети в розовых шляпах, бумажные птицы над головами, толпа за ограждениями.

— Не трогай экран, — попросила Бет. — Кого ищем?

— Меня.

Они просмотрели семь снимков. Рокси не оказалось ни на одном, хотя она помнила жёлтый дождевик с фамилией на спине. На восьмом двое спасателей придерживали ограждение, оставив между собой странно широкое пустое место. Рокси придвинула телефон ближе.

— Может, я была за камерой.

— Может.

В кафе вошла женщина с коляской. Мальчик требовал фламинго, точь-в-точь как на остановке, и не принимал предложения купить плюшевого. Бет принесла ребёнку воду, подобрала крышку к маленькому стакану и вернулась к кофемашине.

Рокси позвонила Джею.

— Джей, можешь заехать к Бет? Кольца оставляю у неё. Забери лично.

— Могу. Только Луиджи привёз розы и хочет, чтобы я расписался за пионы.

— Не подписывай. Сфотографируй накладную.

— С площадкой всё нормально? Клара опять меняет рассадку.

— Не бросай площадку. Решай сам. И, пожалуйста, не говори невесте, что я умерла.

— Что?

— Неудачно сказала. Просто работай, Джей.

Бет убрала мешочек с кольцами в сейф под кассой.

— Поеду с тобой, — сказала она.

— Нет. Ты меня здесь видела, и чек у тебя. Оставайся, пожалуйста.

Бет вытащила из ящика клетчатый блокнот и ножницы.

— Возьми. И позвони, когда найдёшь Диксона.

Она написала на первой странице дату и номер кафе.

У выхода Рокси спохватилась насчёт сломанной пряжки. Бет успела туго перемотать ремешок новой лентой.

На тротуаре осталось длинное розовое перо. Два школьника спорили, можно ли его продать через интернет.

Она направилась к Девятой пешком. На такси было бы быстрее, но после банковской карты ей не хотелось выяснять, существует ли она для диспетчерской службы.

В витрине салона красоты значилось «МЫ ВИДИМ ВАС НАСТОЯЩУЮ». Рокси остановилась поправить очки. В стекле она по-прежнему отражалась, со взлохмаченными волосами, пятном кофе на подбородке и чёрной лентой на туфле.

Она вытерла подбородок и пошла дальше.

На Девятой улице торговали рыбой, чинили часы и почему-то продавали зонты исключительно зелёного цвета. Рокси считала, что хозяин однажды по ошибке закупил целый склад зелёных зонтов и с тех пор отказывался это признавать. Сегодня дверь была заперта. В окне висела табличка «ВЕРНУСЬ ВЧЕРА».

Рокси прошла ещё метров сорок, остановилась и вернулась. Табличка не изменилась. Она сфотографировала её. На снимке получилось: «ВЕРНУСЬ ПОЗЖЕ».

Под башенными часами Диксон стоял на стремянке и двигал минутную стрелку большого уличного циферблата через открытый технический люк. Стрелка была такой длинной, что для неё требовалась отдельная швабра с мягкой насадкой. У стены стояло ведро с водой и табличка «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ КО ВРЕМЕНИ».

— Мистер Диксон!

— Снизу не командуют, — ответил старик.

— Почему у вас девять восемнадцать? Сейчас девять тридцать семь.

— Потому что я их ещё не довёл.

— Вы переводите их назад?

— Сначала назад. Потом вперёд. Иначе механизм закусывает.

На Диксоне были рабочие сапоги и строгие брюки. Рокси знала его по городским праздникам: он не разрешал крепить гирлянды к башне и уходил прежде, чем начинались благодарственные речи.

— Я хочу спросить про Парад фламинго. Семнадцать лет назад.

Диксон перестал двигать стрелку. По камню прошёл короткий скрежет; железная рукоять у него в руке дрогнула.

— В городе были десятки парадов.

— На том пропали девять минут.

Она не знала, почему сказала именно так, но Диксон вцепился в рукоять.

— Так ты всё-таки помнишь.

— Что именно?

Диксон спустился на две ступеньки, посмотрел на прохожих, потом ещё на одну. Снизу он оказался ниже Рокси почти на голову. От него пахло маслом для механизмов и крепким табаком.

— Тебе лучше уйти отсюда, девочка.

— Мне сорок четыре.

— Я знаю. Ты тогда вывела людей через служебную дверь, пока трое взрослых спорили, кто имеет право открыть выход.

— Что произошло с девятью минутами?

Диксон оглянулся на циферблат.

— В девять ноль ноль моя башня отстала. В девять ноль девять она снова пошла. Я записал в журнале обе отметки. На следующий день мне принесли другой журнал, без пропуска. Сказали, испортилась лента самописца.

— И вы поверили?

— Я нашёл свою запись в мусоре и показал в управлении. Через неделю все часы у меня дома остановились. Даже будильник на батарейках. Здесь они хотя бы ломаются как положено.

Рокси открыла блокнот. Диксон накрыл страницу ладонью.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что они замечают всё, что ты записываешь в их присутствии.

— Кто «они»?

Рокси оглянулась. У остановки водитель спорил с пассажиром, у которого проездной оказался датирован завтрашним числом.

— Ладно. По-другому. В тот день у меня был свисток. Красный шнурок. Я оставила его где-то в павильоне.

— Ты отрезала шнурок, потому что он зацепился за ручку двери. Ты поднимала засов. Я видел тебя через стекло.

— Там кто-то был за дверью?

— Шли люди. Много. А потом дверь закрылась. Не хлопнула, не захлопнулась. Её как бы не стало на месте.

Он наконец взглянул ей в лицо.

— Я пытался посчитать, сколько не вышло. Но у меня самого что-то пропало.

— Что?

— Девять минут. Не из часов. Из головы.

Диксон заметил ключ у неё в руке и взял его, не касаясь бирки. Повернул квадратную головку на солнце, проследил за тенью, легшей поперёк ладони. Только тогда спросил:

— Откуда это?

— Лежал у меня в сумке. Давно.

— Его должны были забрать.

— Кто?

— Люди с девятого маршрута. Ты не должна была сохранить его.

Он отдал ключ и показал на проход между рыбным складом и глухой стеной страхового общества.

— Иди туда. Только не спорь с тем, кто откроет.

— Вы меня давно знаете. Это невыполнимое условие.

Диксон едва заметно качнул головой.

— Тогда хотя бы сначала слушай.

За её спиной башня коротко взвыла: стрелки перескочили на девять минут. Диксон захлопнул технический люк.

В начале переулка она увидела ту же глухую стену, что и много раз прежде: облетевшая штукатурка, следы старого объявления о страховании лодок, два мусорных бака. Между ними лежала разобранная деревянная дверца от шкафа. Ни одной двери, которая могла бы вести внутрь.

На телефоне было 9:46. Рокси убрала его, не отвечая на очередной вызов с площадки.

Она отодвинула мусорный бак. За ним оказалась дохлая рыба в газете. За вторым — мокрый картон. Рокси присела и заметила латунную кнопку в стене, почти на уровне плеча.

На кнопке не было цифры, только глубокая царапина.

Она нажала.

Ничего.

Ключ был слишком велик для щели под кнопкой. Рокси подняла его к выцветшему пятну штукатурки и вдруг различила прямоугольный след дверной коробки. Она провела пальцем по шву; на юбку посыпалась пыль.

Где-то внутри стены зазвонил колокольчик.

Шов потемнел, штукатурка осыпалась на землю. Сначала из стены выступила одна металлическая створка, затем вторая. Над ними выросла медная арка, покрытая рыжими пятнами. Переулок стал теснее: здесь теперь стоял лифт, с ржавыми дверями, стрелками на кнопках и часами над входом, навсегда застывшими на девяти.

У порога стоял чёрный чемодан. Рокси не видела его, когда подходила.

Она сунула руку в сумку и набрала номер Бет.

— У меня плохие новости, — сказала она, когда подруга ответила.

— Насколько плохие?

— Я нашла лифт в стене.

— На Девятой?

— Да.

— Постарайся не входить одна.

— Бет, он только что появился. Мне кажется, очередь из добровольцев будет небольшой.

— Тогда стой возле него. Я закрою кафе и приеду.

На экране вместо названия оператора теперь было пусто. Бумажный блокнот лежал раскрытым.

— Нет. Ты оставайся. Если я через десять минут не позвоню, отправь Джея по адресу из блокнота.

— Ты записала адрес?

Она посмотрела на чистую страницу.

— Сейчас запишу.

— Рокси.

— Сейчас, Бет.

Рокси продиктовала улицу и ближайший магазин. Бет всё повторила.

На чемодане болталась бирка: «ХРУПКОЕ. НЕ ПЕРЕВОЗИТЬ В ПРОШЛОЕ».

В переулке не было людей. Из окна страхового общества пахло горячим утюгом. За стеной кто-то сердито спрашивал, куда делись документы. Рокси дождалась ответа, потом вставила ключ в круглое отверстие возле дверей лифта.

Замок щёлкнул.

За дверями были потёртый ковёр, латунные поручни и потолок, уходящий выше крыши соседнего дома. В глубине стоял очень худой человек в красной форме лифтёра, с маленькой круглой шапочкой и чёрными очками. Он аккуратно сложил газету и положил на подоконник, которого Рокси не видела до открытия дверей.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы по записи?

— Ошибку ищу. Вижу, у вас есть подходящие этажи.

Он не улыбнулся.

— Ваш ключ, пожалуйста.

Рокси показала девятку, не выпуская ключа из руки.

— Кто вы?

— Феликс Уорд. Служба подъёма и перемещения. На край ковра не наступайте, его чинят.

Край ковра шевельнулся, подогнувшись под латунную планку. Рокси осталась на пороге.

— Куда ведёт лифт?

— Это зависит от выбранного этажа.

— Мне нужен тот, где отменяют ошибки.

— Какой именно тип ошибки? Входящий или исходящий?

— У меня до шести вечера заберут право существовать. Имя пропало с карты, а на каком-то документе семнадцатилетней давности стоит моя подпись. Мне нужен человек, который всё это остановит.

Феликс внимательно посмотрел на её сумку. Рокси прижала её к боку.

— Ваши пожелания к этажу? — спросил он.

Он развернул узкую панель кнопок, спрятанную за бархатной шторкой. Вместо чисел там были короткие надписи: «ГДЕ ВАС ПОМНЯТ», «ГДЕ ВЫ НЕ ОПОЗДАЛИ», «ГДЕ ВЫ ПОСТУПИЛИ ЛУЧШЕ», «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД». Под каждой виднелись следы десятков прежних названий, стёртых и написанных заново.

Рокси прочла третью табличку.

— Это у вас терапевтическая услуга?

— Нет, мадам. Но на этот этаж большая очередь.

— Мне нужна правда о том, что было семнадцать лет назад.

Феликс задержал взгляд на её ключе. От рукава пахло пылью и дождём. В памяти Рокси мелькнула мокрая доска и чужая рука у дверного засова. Лица она так и не увидела.

— Мы знакомы? — спросила она.

— В определённом порядке.

— В каком?

— Вас сопровождали однажды. Довольно давно.

— Вы были на параде?

За дальней стеной что-то скрипнуло. Створка отошла в сторону, открыв каменную лестницу без шахты и тросов. Ступени поднимались прямо в облака, перила держались на тонких проволоках. Далеко внизу двигались воздушные шары, отбрасывая тени неизвестно на что. Один шар проплыл мимо двери на уровне колен и медленно провалился вниз. Пахло мокрым железом.

Рокси отступила на тротуар.

— Вы серьёзно предлагаете мне туда войти?

— Можно дождаться следующего подъёма, — сказал Феликс. — Он предусмотрен расписанием, но расписание сегодня составлено для другого пассажира.

— А если я упаду?

— Тогда вам потребуется не тот отдел, в который вы направляетесь.

Феликс отодвинул цепочку у входа. Рокси осталась на пороге.

Она посмотрела на часы: над лифтом по-прежнему было девять, на телефоне — 9:51. Рокси показала ключ, не разжимая пальцев.

— Откуда вы знаете, что он мой?

— Я не говорил, что он ваш. Я только попросил его предъявить.

— Тогда откуда вам известно, что я должна быть здесь?

Феликс опустил взгляд на красную бирку.

— Потому что девять дробь шестьдесят три возвращается только по личному делу, мисс Марлоу.

Она не показывала ему оборот старого документа.

За спиной загрохотали створки. Лифт закрывался, Феликс не двигался.

Рокси шагнула через порог, едва успев втянуть за собой оранжевую юбку.

Глава 3

По нашим данным, вас нет

Двери лифта сомкнулись за юбкой Рокси с таким звуком, каким в её детстве закрывали холодильники в мясном отделе.

— У меня просьба, — сказала она. — Никаких облаков. Никаких лестниц без стен. И если здесь принято платить за поездку, предупреждайте сразу: моя карта сегодня не в форме.

Феликс поправил цепочку у входа. За его спиной всё ещё висела каменная лестница, уходившая в белое небо; снизу медленно поднимался воздушный шар, такой близкий, что на его полотнище можно было рассмотреть заплату в форме рыбьего хвоста.

— Мы не берём денег за доставку заявителей.

— Наконец-то приличная новость.

— Доставка обратно оплачивается отдельно.

Рокси посмотрела на него поверх очков. Феликс отвернулся к панели и нажал кнопку «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД».

Под ногами едва заметно качнулся ковёр. Лестницу за дальней створкой заслонила железная сетка, потом она исчезла, словно кто-то задвинул её вместе с небом в узкий ящик. Стены лифта остались на месте. Из-под бархатной шторки доносилось дребезжание посуды.

— Почему служебный вход? — спросила Рокси. — Я не ваша сотрудница.

— Через главный вы не пройдёте.

— Слишком высокий порог?

— Там двери открываются только перед зарегистрированными посетителями.

Феликс произнёс это как человек, который уже знает, чем кончится разговор, но рассчитывает, что собеседница сама придёт к нужному выводу.

Рокси не доставила ему такого удовольствия.

— А если посетитель приходит именно потому, что его нет в списке?

— По этому поводу существует отдел обращений.

— Значит, туда.

— Вы на него записаны?

— Господи, Феликс.

Он вытащил из нагрудного кармана узкий блокнот и карандаш без ластика. Оторвал листок, написал что-то мельчайшими буквами и протянул ей.

«Посетитель доставлен без подтверждения адреса присутствия. Сопровождающий ответственность за дальнейшее перемещение не принимает».

Ниже была ровная подпись: «Ф. Уорд».

— Для чего мне это?

— На случай вопросов по маршруту.

— Это ваша записка о том, что вы ни за что не отвечаете.

— Именно. Её обычно спрашивают первой.

Рокси сложила бумажку и убрала в сумку, рядом с уведомлением. Когда ей понадобится доказать, что она была в этом лифте, ещё один бумажный след не помешает.

Лифт остановился. На часах над дверью по-прежнему было девять. Телефон показывал 9:57.

Феликс придержал створку, и Рокси вышла в длинный коридор с высоким потолком. Где-то вдалеке стучала машинка, запах горячего металла смешивался с мокрой штукатуркой. Под стеной стояли потёртые кожаные кресла. Напротив кресел тянулась линия из белой краски, обрывавшаяся у таблички «ЗДЕСЬ ОЖИДАНИЕ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО».

Человек в сером пиджаке сидел на самом краешке кресла, не касаясь спинки. На коленях у него лежали три фотографии, положенные по размеру, от большой к маленькой. На всех был один и тот же мальчик, только взрослел он в неправильном порядке: на средней фотографии выглядел старше, чем на третьей.

— Извините, — сказала Рокси. — Вы знаете, где принимают жалобы?

Человек поднял голову. Несколько секунд он рассматривал её лицо, потом перевернул верхнюю фотографию изображением вниз.

— Когда подавал заявление, там был другой стол, — ответил он.

— Давно?

— Двадцать четыре минуты. А вы кого ищете?

— Себя.

Он подвинулся, освободив ей место на кресле. Рокси поблагодарила, но садиться не стала. В собственной сумке у неё лежало уведомление с крайним сроком, и этот срок никто не обещал отложить ради очереди.

— Прямо и налево, — сказал Феликс. — Отдел невозможных заявлений.

— А возможные где?

— По другому адресу.

— Который у меня, разумеется, отсутствует.

Феликс не возразил. Он уже возвращался в кабину.

— Подождите. Вы знали номер на моей бумаге. Девять дробь шестьдесят три. Что это значит?

— Я не уполномочен толковать документы.

— А двадцать лет назад вы тоже не были уполномочены?

— Семнадцать, — поправил он.

Рокси замолчала. Она нарочно назвала неправильное число.

Феликс поклонился, как будто речь шла о забытом чемодане, и исчез за створками. На этот раз лифт уехал вниз; пол коротко дрогнул под её каблуками. Дверей не осталось. На их месте висел прямоугольник старой краски, не подходившей по цвету к остальной стене.

Она проверила телефон. Сеть была, но клавиатура при попытке набрать номер Бет выдала пустые квадраты вместо цифр. Рокси не стала экспериментировать. Вытащила подаренный Бет блокнот, записала время и адрес коридора, насколько смогла его определить: «Служебный вход. Высокий потолок. Три кресла. Лифт без шахты». Последнее слово она перечеркнула: у лифта, вероятно, была шахта, просто её не собирались показывать.

В конце коридора находилось окно приёма. За ним никого не было. Над ним светилась красная надпись «ВАШЕ ОБРАЩЕНИЕ ВАЖНО ДЛЯ НАС», под ней — «ПРИЁМ НЕ ВЕДЁТСЯ». Рокси оглянулась на человека в кресле. Он поднял глаза, но на вопрос не ответил.

На стойке лежала стопка бланков. Рокси взяла верхний.

«ЗАЯВЛЕНИЕ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРАВА НА ПОДАЧУ ЗАЯВЛЕНИЯ».

Первая строка требовала фамилию заявителя. Рокси написала свою. Чернила мгновенно стали светло-серыми, потом исчезли. Она повторила медленнее, нажимая на ручку до вмятины в бумаге. Буквы продержались секунды три.

— Прекратите портить казённое имущество, — произнёс голос откуда-то слева.

В проёме появилась высокая фигура в тёмном костюме. Человек — если к нему подходило это слово — имел продолговатое зелёное тело с плотными рядами колючек, узкий галстук и круглые очки на тонкой цепочке. На макушке у него торчал крошечный оранжевый бутон. В руках он держал папку, обёрнутую коричневой бумагой.

Рокси успела увидеть аккуратно начищенные ботинки и бледные манжеты, прежде чем подняла взгляд к лицу.

— Вы работаете здесь?

— Вне сомнений.

— Тогда у меня жалоба.

— Вне сомнений, — повторил кактус, теперь заметно менее дружелюбно.

Он отпер дверь под надписью «ПРИЁМ НЕ ВЕДЁТСЯ», вошёл за стойку и, не приглашая Рокси, сел. Папку положил точно по центру стола. На латунной пластинке перед ним было выгравировано: «БАРНАБИ КРОЛЛ. СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР».

— Прежде чем обращаться, определите свой статус, — сказал он.

— Живая. Недовольная. Спешу.

— Это свойства, не статус. Регистрационный номер?

Рокси положила на стол уведомление. Барнаби едва взглянул на заголовок, затем медленно снял очки.

— Откуда у вас этот лист?

— Прислали утром. Потом привезли бумажную версию. У вас, надеюсь, можно выяснить почему.

— На линии приёма не должно быть личных вещей.

— На каком предъявителе?

— На вас. Сумка, верхняя одежда, украшения: всё необходимо разместить за линией.

Оранжевая юбка вряд ли поместилась бы в гардеробе. Рокси сняла сумку с плеча и поставила за белую черту у стойки, но оставила руку на ремне.

Барнаби подвинул ей другую бумагу.

«ФОРМА СЕМЬ. ОБРАЩЕНИЕ ЛИЦА, ЧЬЁ НАЛИЧИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

— А если не подтверждено?

— Обращение не принимается.

— Это я уже слышала. Меня нет в списках, потому я и пришла.

— Тогда вам следует оформить заявление о восстановлении права на подачу заявления.

— Которое я только что заполняла.

— Неправильно. Там должна быть фамилия.

— Она исчезает!

Барнаби наклонился к испорченному бланку. По влажной бороздке от ручки прошёл краем пальца, похожего на короткую зелёную перчатку с иглами.

— Вижу след нажима. Именования нет.

— А я стою перед вами.

— Стоять не возбраняется. До истечения срока допустимого присутствия.

Рокси сдвинула часы выше по запястью. Под ремешком выступил пот, хотя в коридоре было холодно.

— Хорошо. Что вы видите перед собой?

— Посетителя без подтверждённого статуса.

— Значит, посетитель есть.

— Наблюдение не равно учёту, госпожа…

Он запнулся и посмотрел в пустую строку.

— Марлоу, — сказала Рокси.

— Это вы утверждаете.

Она открыла рот, чтобы возразить, и передумала. Извещение лежало между ними, её подпись на нём кто-то явно считал достаточно настоящей. Пустую графу с именем заполнить было нельзя.

— Дайте письменный отказ, — сказала она. — С датой и вашей подписью.

— В выдаче отказа отсутствующему заявителю будет отказано.

— Великолепно. Выдайте отказ в выдаче отказа.

— И на каком основании?

— На том, что вы сейчас отказали мне дважды. По-моему, материала хватит.

Рокси вспомнила о чеке Бет. Вытащила его из блокнота и разгладила на стойке. Край уже потемнел от кофе. Бет никогда не пользовалась линейкой и писала цифры так, что семёрку можно было принять за единицу, но имя Рокси на листке стояло совершенно разборчиво.

— Вот. Независимый человек видел меня сегодня в девять семнадцать. Написала своей рукой, у себя в кафе. Спросите её.

Барнаби прочёл строку. На словах «обзывает кассу идиоткой» задержался чуть дольше, чем на остальных.

— Это частная запись, — сказал он.

— Она сделана после вашего уведомления. Там время, место и моя фамилия.

— У свидетельства нет номера входящего документа.

— Потому что оно лежало в кафе, а не у вас в шкафу.

— Для признания внешнего свидетеля необходим его собственный действующий адрес и явка в установленном порядке. Чужую бумагу нельзя внести вместо человека.

Рокси убрала чек. Она хотела было сказать, что Бет просто приедет, как только закончит утреннюю смену. Но представила, как подруга закрывает кафе, оставляет сотрудницу одну с полным залом и едет по Девятой улице искать дверь, которой обычно нет. Ни адреса, ни уверенности, что лифт вернётся.

— Где принимают внешних свидетелей?

Барнаби указал кончиком карандаша на соседнее окно. Оно было закрыто фанерой, на которой чернело старое пятно от сырости.

— Сейчас — по предварительному разрешению директора. Обычный приём временно приостановлен.

— Насколько временно?

— У нас нет оснований называть дату.

Рокси загнула угол страницы в блокноте. «Бет. Свидетель. Спросить о допуске». Можно было хотя бы узнать, что понадобится, прежде чем просить подругу бросать работу.

Барнаби поднял очки на переносицу. Под ним стояла банка со скрепками, он придвинул её ровно на ширину ногтя, отодвигая от края бумаги. Рокси ждала, считая про себя до пяти, потом до десяти.

— Для отказа на имя требуется имя, — произнёс он. — Но возможно уведомление предъявителю.

— Да. Мне оно подойдёт.

— Оно не подтверждает вашу личность.

— Мне уже было приятно услышать, что вы готовы что-то выдать. Не портите момент.

Он не оценил замечания. Вытащил плотный голубой лист, вписал время и поставил квадратную печать. Последний удар дался ему слишком резко: папка под локтем съехала, а два незакреплённых листа прилипли к колючкам на его рукаве.

Барнаби замер. Рокси тоже.

На одной из бумаг была таблица с ровными столбцами. На другой — схема прохода, перечёркнутая красной линией. Инспектор попытался отцепить первый лист и приколол его уже к манжете. В коридоре за спиной Рокси кто-то кашлянул.

— Вам помочь? — спросила она.

— Категорически нет.

— У меня есть пинцет. В сумке. За линией.

— Не касайтесь служебных приложений.

Он взял металлическую линейку, попробовал поддеть бумагу. Она надорвалась и повисла на трёх длинных иглах. Маленький оранжевый бутон на макушке дрогнул. Барнаби посмотрел на него так, будто тот тоже нарушил инструкцию.

Рокси молча дождалась, пока он высвободит рукав. Один лист он сложил дырками внутрь; второй скомкал и бросил в корзину, не попав. Она не стала указывать на промах.

— Уведомление предъявителю, — сказал Барнаби, подавая голубой лист двумя пальцами. — Никакой правовой помощи не оказано.

На листе действительно стояло «В ПРИЁМЕ ОБРАЩЕНИЯ ОТКАЗАНО», время 10:06 и подпись Барнаби Кролла. Графа «кому» отсутствовала. Рокси сунула отказ к другим бумагам.

— Пока вы здесь, можно задать ещё один вопрос?

— Вы задаёте их без перерыва.

— Это уже третий документ за утро, в котором фигурирует слово «предъявитель». Я хочу знать, откуда берутся люди, которым затем так настойчиво отказывают.

Барнаби уставился на неё. Потом на девятку в углу извещения.

— Ваше дело не предназначено для обычного приёма.

— До этого я добиралась полчаса. Очень жаль, что вы сообщили только сейчас.

— Номер следует читать целиком. Не отделяйте девятку от дроби.

— Девять дробь шестьдесят три?

— Номер коллективного производства. У вас не личная жалоба.

Рокси расправила смятый угол уведомления и задержала палец возле «9/63». Барнаби так и не назвал остальных участников.

— С кем я в одном производстве?

— Сведения в закрытой части архива.

— Сколько человек?

Барнаби медленно закрыл папку. На этот раз он проверил, не осталось ли на рукаве бумаги.

— Порядок ознакомления определяется директором.

Рокси вынула блокнот и записала «коллективное производство». Ниже — «директор» и время отказа.

У шкафа с инструкциями висело несколько плакатов. Один с изображением зелёной стрелки был явно старше остальных; его края потемнели, а стекло за долгие годы стало мутным. Рокси подняла голову и прищурилась. Это была схема эвакуации.

— Здесь пожарные выходы проверяют? — спросила она.

Барнаби проследил её взгляд.

— Ежеквартально.

— А почему половину схемы закрывает шкаф?

— Шкаф утверждён позднее.

Она подошла к плакату. За стеклом мелким шрифтом значилось, что при недоступности зала заседаний временная площадка общественного рассмотрения переносится во внешний двор, обозначенный на плане полосатым прямоугольником. Рокси автоматически прикинула, сколько туда поместится людей, если открыть ворота со стороны набережной. На свадебных площадках такие схемы часто висели для проверки, и почти никогда по ним не собирались выводить гостей.

— У вас тут бывает столько посетителей, что их выводят во двор?

— У нас случались чрезвычайные ситуации.

— Шкаф кого-нибудь придавил?

Барнаби молчал. Рокси подняла руку, чтобы придвинуть рамку на место, и увидела под ней ещё один лист, совсем пожелтевший.

«ПРАВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОЗРАЖЕНИЯ В ОБЩЕМ ДЕЛЕ».

Она прочла вслух первую строчку:

— «При открытом рассмотрении общего дела возражение хотя бы одного из представляемых лиц исключает принятие решения от имени всей группы до отдельного рассмотрения заявленной воли». Это что значит?

Барнаби резко поднялся. В кресле что-то хрустнуло, и он осторожно оглянулся на спинку.

— Это положение для лиц с действующим адресом присутствия.

— Но оно здесь висит.

— Правила вывешиваются для ознакомления, не для применения по желанию посетителя.

— А если человек записан как часть группы, но не хочет, чтобы за него решали?

— Он должен заявить возражение лично на открытом рассмотрении. Это базовое право.

— Даже один?

— Если лицо признано участником. Не будем продолжать гипотетическую дискуссию.

Рокси переписала фразу. Буквы на бумаге Бет остались. Барнаби, несмотря на недовольство, не попытался её остановить.

— Вы составляете жалобу на меня? — спросил он.

— Пока конспект. Зависит от продолжения.

Она ещё раз посмотрела на схему двора и запомнила расположение ворот. Если бы в здании случился пожар, именно эти ворота не открылись бы первыми: на плане возле них стоял значок, похожий на замок.

В коридоре застонала машинка, после чего послышался странный ритмичный стук. Рокси обернулась. Из дверей напротив выехала тележка с пачками чистой бумаги, а на нижней полке стояла чашка с потрескавшейся ручкой. Тележку никто не толкал. Она остановилась на белой линии и терпеливо ждала, пока Рокси уберёт туфлю.

— Проход для служебного транспорта, — сказал Барнаби.

— Прекрасно. Ходит лучше такси.

— Не наступайте на разметку.

Рокси отступила. Тележка проехала, оставив на полу мокрый след от чашки. Через секунду след втянулся обратно в колёса.

Из-за двери выглянул мужчина в фартуке, увидел пустую тележку и быстро захлопнул дверь. Рокси сделала вид, что этого не заметила. У неё было достаточно вопросов, на которые никто не хотел отвечать.

— Мне нужен директор, — сказала она, вернувшись к стойке.

— Все этого хотят по разным причинам.

— У вас дело 9/63. Вы не можете назвать участников, не можете принять жалобу, не можете даже написать мою фамилию. Пусть директор объяснит, почему моя подпись оказалась в закрытом деле.

Барнаби снял лист отказа со своего стола, проверил номер и снова положил на место. Между отверстиями от колючек по-прежнему висел крошечный клочок бумаги.

— Прежде потребуется сверка с архивом чрезвычайных решений.

— Сверяйте.

Он открыл плоский ящик стола, достал старый телефон с неподвижным диском и двумя трубками. Одну приложил к уху, другую аккуратно положил рядом. В аппарате заскрипело. Рокси услышала сухой женский голос, но слов разобрать не смогла.

Барнаби произнёс только две вещи: «девять дробь шестьдесят три» и «лично явилась». После второго выражения у него на макушке чуть расправились оранжевые лепестки. Он повернулся к стене, закрывая бутон ладонью.

— Да, — сказал он в трубку. — Я понимаю последствия записи. Благодарю.

Ему ответили коротко. Затем раздались три гудка.

Барнаби долго возвращал телефон на место, сперва одну трубку, затем другую. Потом достал из шкафа пропуск из плотного картона. Рокси ждала, что на нём появится её фамилия. Вместо этого он написал крупно: «ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ 9/63».

— Директор примет вас в десять двадцать пять. Задерживаться в коридорах нельзя. Сопровождение будет у двери.

— Я успею. Ещё один вопрос: мне теперь разрешено существовать до встречи?

Барнаби посмотрел на часы над столом. Циферблат показывал 10:21, секунды шли по кругу как положено. Он не ответил.

Рокси забрала сумку из-за линии, сунула в неё блокнот и голубой отказ. Затем заметила, что на пропуске есть оборот. Там стояла мелкая печать: «ПОВТОРНОЕ РАССМОТРЕНИЕ. ПЕРВИЧНАЯ ЯВКА — СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД».

— Первичная явка? — переспросила она. — Я здесь уже была?

Инспектор не поднял головы.

— По нашим данным, вас нет, госпожа Марлоу.

Он произнёс её фамилию вполне отчётливо.

Рокси не успела ответить. В дальнем конце коридора открылась тяжёлая дверь, за которой была видна узкая полоска солнечного света. Оттуда вышла женщина в сером костюме, посмотрела на пропуск в руке Рокси и остановилась. В пальцах у неё был список, исписанный красным карандашом.

— К директору, — сказала она. — Пожалуйста, без телефона. И никаких фотографий.

Рокси бросила взгляд на часы. 10:24. До встречи оставалась минута. Она убрала телефон в сумку, но блокнот Бет переложила в карман юбки.

— А ручные записи?

Женщина поколебалась.

— На свой страх и риск.

Рокси двинулась следом. За её спиной Барнаби дважды щёлкнул печатью, хотя на столе перед ним не было ни одного листа.

Глава 4

Подпись ваша. Заявитель — нет

Женщина в сером костюме привела Рокси к двери, на которой не было ни номера, ни фамилии. Вместо таблички на уровне глаз висела медная пластинка с надписью «ПРОСЬБА НЕ СТУЧАТЬ». Ниже кто-то карандашом дописал «ДАЖЕ ЕСЛИ ГОРИТ».

— Ручку оставьте здесь, — сказала сопровождающая.

— Зачем?

— У директора своя.

Рокси покрутила в пальцах дешёвую шариковую ручку. С утра она заполнила ею два бланка; ни один не помог доказать, что она существует.

— Я привыкла записывать, когда мне угрожают.

— Тогда держите колпачок во рту. Чернила на столе не приветствуются.

Сопровождающая открыла дверь, не дожидаясь согласия. Из кабинета пахло нагретым воском и свежими яблоками. Звук улицы исчез. За окнами синело море, хотя Рокси хорошо помнила, что с этой стороны Департамента должен быть глухой двор с мусорными контейнерами.

Селеста Вейн стояла у шкафа, перекладывая папки с одной полки на другую. Высокая, в тёмном платье без единой складки, с узкими золотыми часами на запястье. Волосы были гладко собраны на затылке. Она переставила последнюю папку, выровняла корешки и только после этого повернулась.

— Госпожа Марлоу. Я ожидала вас раньше.

— Семнадцать лет назад или сегодня?

Селеста позволила себе короткую паузу.

— Сегодня.

— Тогда напишите жалобу лифтёру. Он останавливался посмотреть на воздушные шары.

На большом столе стояла стеклянная ваза с яблоками. Каждое яблоко было завернуто в отдельный прозрачный пакетик, а к черенку прикреплена бирка с датой. Рядом лежали две папки, ровно по центру кожаной подложки.

— Садитесь, — сказала директор.

Рокси села. Кресло медленно опустилось на несколько сантиметров, как будто не могло определиться с её весом. Селеста села напротив. Её кресло не шелохнулось.

— Вы обратились с просьбой прекратить исполнение уведомления, — начала она.

— Я не просила. Я пришла выяснить, кто прислал мне приказ исчезнуть.

— И прекратить его исполнение.

— Это было бы неплохим дополнением.

Директор раскрыла верхнюю папку. На первом листе крупными буквами значилось «ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ АДРЕСА ПРИСУТСТВИЯ». Под названием стоял номер 9/63. Рокси потянулась к листу, но Селеста положила на него ладонь.

— Оригинал хранится в архиве чрезвычайных решений. Здесь заверенная выборка.

— Заверенная кем?

— Учреждением.

— То есть вами.

— Я отвечаю за учреждение. Это не одно и то же.

Рокси вынула из сумки старое уведомление и разложила рядом, насколько позволяла рука Селесты. На её листе были коричневые следы от скоб, бумага серо-жёлтая, рыхлая. Выборка директора начиналась с белого листа, который смотрелся так, словно его только что сняли с пачки в приёмной. За ним торчал уголок старой бумаги.

— Можно посмотреть вторую страницу?

Селеста подняла первый лист. Под ним лежал узкий бланк с густыми чернильными правками. Рокси узнала росчерк своей подписи ещё до того, как увидела напечатанную фамилию.

Ей стало холодно в ладонях. Подпись не просто походила на её. Она помнила эту дурацкую петлю у последней буквы. В двадцать семь лет Рокси считала её признаком делового человека и терпеливо выводила даже на квитанциях из химчистки.

— Да, подпись моя, — сказала она.

— Благодарю за подтверждение.

— Не спешите меня благодарить. Я пока не подтверждала, что написано над ней.

— Ваша подпись на заверенном акте.

— А титульная страница моложе вашей секретарши.

Впервые Селеста посмотрела на бумагу, а не на Рокси.

— Неуместное сравнение.

— Снимите скобу. Внизу у старого листа три отверстия, у нового два. И верхний край не совпадает. Они даже раньше не лежали в одной папке.

Директор спокойно разгладила угол.

— Дело переподшивалось. Архив переходит на единый стандарт хранения.

— Семнадцать лет назад?

— Четыре месяца назад.

— Вот. Уже один ответ получился.

Рокси вытащила блокнот Бет, положила на колено и записала дату переподшивки. Селеста проследила за движением карандаша.

— У вас нет разрешения копировать материалы дела.

— Я записываю ваши слова. Если это запрещено, будьте добры, назовите пункт.

Селеста не ответила. Вместо этого повернула папку к себе и положила сверху маленький тяжёлый пресс в форме золотого зуба.

— Вы путаете отсутствие доступа с наличием права. Госпожа Марлоу, ваша регистрация прекращается сегодня в восемнадцать часов. Исполнение уже началось. Жалоба не приостанавливает его автоматически.

— Я даже жалобу подать не могу. Барнаби утверждает, что я не существую.

— Инспектор Кролл исполняет регламент.

— Тогда регламенту нужен окулист. Я сижу перед вами.

— Физическое присутствие и адрес присутствия не тождественны.

На указательном пальце краснела царапина от скобы свадебной коробки, а на юбке лежала крошечная белая нитка. Рокси подцепила её ногтем.

— Сколько людей в деле? — спросила Рокси.

— Это служебная информация.

— Шестьдесят три? Или шестьдесят три — номер шкафа?

— Это коллективное производство. Сейчас мы рассматриваем исключительно ваш адрес.

— Я не подписывала заявление о том, чтобы меня вычеркнули из города.

— Тогда зачем подписали акт?

Рокси едва не ответила «не помню». Другого ответа у неё и не было. От парада семнадцатилетней давности остались мокрые доски под ногами, чей-то локоть, железный звон и девять минут, которых не оказалось на часах.

— Покажите полный акт, — сказала она.

— К нему относятся другие лица.

— Значит, там есть другие лица.

— Я этого не говорила.

— Но и не опровергли.

Селеста закрыла папку. В кабинете стало слышно, как тикают её наручные часы. Рокси подумала, что могла бы потерпеть отсутствие окон и моря, но звук исправных часов здесь выглядел почти вызывающе.

— У нас предусмотрена программа сопровождения, — сказала директор. — Она помогает людям провести последний день с минимальными неудобствами.

— Сопровождения куда?

— До окончания исполнения.

Она выдвинула из ящика буклет. На обложке улыбающаяся пожилая пара сидела на лавочке под деревом. Над фотографией было напечатано: «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ. ПОВЫШЕННЫЙ УРОВЕНЬ КОМФОРТА». Ниже шли три тарифа. В самый дорогой входили персональный консультант, приоритетное обслуживание и «бережное уведомление близких по усмотрению клиента».

Рокси просмотрела цены.

— Сколько из этого возвращается, если клиент всё-таки остаётся жив?

— Услуга предоставляется до момента синхронизации.

— А если у клиента нет денег? У меня сегодня карту уже отклонили.

— Сумма может быть списана из оставшегося имущества.

— Щедро.

На обороте буклета Рокси увидела ещё один пункт, набранный мельче остальных: «Отказ от претензий по окончании обслуживания». Она закрыла буклет и вернула его директору.

— Я предпочту провести остаток дня без гостиничного сервиса для покойников.

— Решение за вами. Пока оно ещё может быть за вами.

Селеста произнесла последние слова без нажима и отодвинула буклет. Барнаби сердился, когда кто-нибудь нарушал правила. Селеста даже не повышала голос.

Телефон в сумке коротко завибрировал. На экране высветилось «Клара, невеста». Рокси взглянула на Селесту.

— Вы сами сказали, что до шести я существую. Значит, мой рабочий день тоже.

— У вас сорок секунд.

Рокси приняла вызов.

— Клара? Слушаю.

— Здравствуйте, — осторожно произнесла девушка. — Мне дали этот номер как контакт организатора. Мне нужна Рокси Марлоу.

— Это я.

— Нет, извините. Вы, наверное, её помощница? Мы вчера полчаса разговаривали о рассадке.

Рокси прижала телефон плотнее к уху.

— Вы просили пересадить дядю Питера подальше от бара, потому что он всякий раз уносит домой все лимоны.

— Откуда вы это знаете?

— Клара, я Рокси.

В трубке послышался шорох. Невеста сказала кому-то рядом: «Она знает про дядю Питера». Затем уже в телефон:

— Пожалуйста, просто соедините меня с ней.

Рокси смотрела на стакан с карандашами на директорском столе. Все карандаши были заточены под одним углом.

— Позвоните Джею, — сказала она. — Он ведёт заказ вместе со мной. Он решит вопрос с флористом и заберёт кольца у Бет. Не меняйте порядок церемонии, пока не поговорите с ним.

— А вы кто?

— Человек, который очень просит вас не брать капусту вместо пионов.

Она отключилась раньше, чем Клара успела переспросить.

Когда Рокси опустила телефон, Селеста уже отодвинула кресло и встала у окна. За её плечом проплывал парусник. Он двигался неправильно: ветер на парусе дул в одну сторону, флаг на мачте в другую.

— Раннее снижение узнаваемости, — сказала директор, не оборачиваясь. — У дел девятого типа бывает ускоренное течение.

Рокси попыталась вспомнить, когда последний раз говорила с Кларой. Вчера вечером. Они спорили о салфетках. Клара плакала от смеха над списком родственников жениха. С ней всё было в порядке. Не в порядке было то, что в эти воспоминания Рокси больше не помещалась.

— Вы можете это остановить?

— Возможно временное замедление.

— Как?

— По решению ответственного представителя дела. После проверки оснований.

— Вашему решению.

Селеста вернулась к столу, но не села.

— Директору не положено принимать импульсивные решения в пользу каждого вошедшего.

Рокси подумала о том, что в шесть вечера не сможет позвонить Кларе, Бет, Джею и, возможно, никому. Она слишком долго привыкала к мысли, что у человека всегда найдётся следующий звонок.

— Мне нужен свидетель с действующим адресом присутствия, — сказала она. — Барнаби указал, что это возможно.

— Для внешнего свидетельствования предусмотрена отдельная запись. Свидетель может удостоверить только то, что наблюдал лично. Он не вправе подтверждать ваш статус вместо Реестра.

— Прекрасно. Пусть удостоверит, что я утром сидела у неё в кафе.

— При условии личной явки, документа и независимой записи в журнале.

— Где этот журнал?

Селеста ненадолго посмотрела на часы. Было 10:43.

— В нижней приёмной, у наружного входа. Приём записей закрывается в одиннадцать.

Рокси взяла телефон. На этот раз цифры появились сразу. Она набрала Бет по памяти и, пока шли гудки, пыталась не смотреть на папку под золотым зубом.

— Рокс? — ответила Бет. — Где ты? У меня Джей, забрал кольца. Тот курьер опять пришёл и спрашивал, не понадобится ли завтра конверт побольше.

— Не давай ему ничего. Слушай. Ты можешь приехать на Девятую? К старой башне. Вход во двор Департамента, с улицы у рыбного склада. Тебе нужен паспорт и чек, который ты мне написала.

— Чек у тебя.

Рокси открыла сумку. Смятый листок всё ещё лежал в блокноте, на нём расплылось кофейное пятно.

— Верно. Я принесу его к входу. Тебе нужен только паспорт.

— Что случилось?

— Клара меня больше не помнит.

Бет ничего не ответила. Рокси услышала, как она поставила на стойку чашку, потом отодвинула её.

— Я буду у башни через десять минут, — сказала Бет.

— Кафе?

— Там есть люди, которые умеют делать кофе без моего личного участия. Выяснилось сегодня утром.

Связь оборвалась. Рокси посмотрела на Селесту.

— Это вы её сюда позвали, — заметила директор.

— Да.

— Когда начнутся последствия, не говорите, что я вас не предупреждала.

— Какие последствия?

— Человек, который берётся свидетельствовать об исключённом лице, должен будет объяснить, почему продолжает ему доверять, когда Реестр показывает обратное.

— Бет обычно не нравится, когда ей указывают, кому верить.

— Такие люди особенно дорого обходятся себе и окружающим.

В дверь постучали. Селеста подняла глаза, явно удивлённая. Два удара были быстрыми и очень громкими.

— Я распорядилась не стучать.

Снаружи раздался голос сопровождающей:

— Простите. В коридоре яблоки.

Селеста подошла к двери. За ней катился металлический поднос, на котором лежали три яблока в пакетиках. Ещё одно, без упаковки, уверенно ползло по полу к лифтовой нише, оставляя влажную полоску. Рокси узнала золотые бирки на черенках.

— Это из вашего кабинета? — спросила она.

— Из хозяйственного отдела, — сухо ответила Селеста и прикрыла дверь коленом.

— Они что, сбежали?

— Сняты с инвентаризации. Дальнейшее движение не относится к вашей жалобе.

Рокси слышала, как за дверью сотрудница умоляла яблоко вернуться на поднос. Судя по звуку, яблоко не соглашалось.

Селеста положила ладонь на замок, дождалась тишины и снова повернулась к посетительнице.

— Я могу направить вас к архивному консультанту. Он разъяснит, почему акт не может быть пересмотрен в частном порядке.

— А в открытом?

— Вам не рекомендовано пользоваться формулировками, смысл которых вы не понимаете.

— Тогда объясните мне.

— Не сегодня.

Рокси поднялась. Она устала сидеть перед чужим столом и просить показать ей собственную подпись. Селеста сняла золотой пресс, сложила папку и протянула пропуск, на обороте которого появилась новая печать: «ОЗНАКОМЛЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ ПО НЕЗАВИСЯЩИМ ОТ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИЧИНАМ».

— Что именно не состоялось? — спросила Рокси.

— Полное ознакомление. Вы не подтвердили адрес.

— Вы и не дали мне его подтвердить.

— Вижу, вы освоились.

Рокси хотела унести хотя бы одну цифру. Она вернулась к столу, осторожно придвинула к себе старое уведомление и сравнила его с тем, что успела заметить под титульным листом. На полях оригинала, рядом с верхним сгибом, виднелась бледная синяя отметка, похожая на половину слова: «ВРЕМ…». На белой странице директора ничего похожего не было.

— В старом акте написано «врем…», — сказала она. — А у вас на обложке «добровольное прекращение». Это разные вещи.

Селеста взяла папку к себе.

— Некоторые временные решения становятся окончательными.

— Без нового решения?

— Вы узнаете об этом, если получите допуск в архив.

Рокси перестала теребить ремешок сумки и присмотрелась к ней.

— И где его дают?

— Не здесь.

Селеста нажала на кнопку под столом. Дверь открылась сама. Серая сопровождающая стояла за ней с красным карандашом в руке, как будто так и не успела закончить список.

— Нижний вход, — распорядилась директор. — Госпоже Марлоу необходимо встретить свидетельницу. Проследите, чтобы она покинула закрытую часть до одиннадцати.

— Я умею ходить без конвоя, — сказала Рокси.

— Я охотно в это верю. Но они передвигаются быстрее, если рядом сотрудник.

«Они». Рокси заметила слово, но не уточнила, кого директор имела в виду.

В коридоре висели часы. Было 10:52. Сопровождающая шла быстро, прижимая к боку список с красными отметками. На лестнице у неё выскользнул карандаш. Рокси подняла его; кончик был сточен до плоской лопаточки.

— Вы можете вычеркнуть меня отсюда? — спросила она.

— Вас там нет, — ответила женщина.

Рокси вернула карандаш. На площадке их догнала тележка с чужими сумками, на этот раз уже с человеком за ручкой. На одной из сумок висел свадебный букет из сухой лаванды. Сухая лаванда зацепилась за край её юбки. Рокси осторожно отцепила веточку.

У нижнего входа стоял небольшой столик с толстой книгой в тканевом переплёте. Над книгой висела табличка «ВНЕШНИЕ СВИДЕТЕЛИ. НЕ ЗАПОЛНЯТЬ ЗА ДРУГИХ». На лавке сидел охранник с больным коленом и явно недоверчивым отношением ко всем, кто приходил не через главную дверь.

Бет появилась в 10:55, с паспортом в руке и волосами, собранными наспех. На плече у неё осталась белая полоска муки.

— Ты в порядке? — спросила она прежде, чем поздороваться.

— Пока спорно.

Бет быстро оглядела Рокси, затем взглянула на её туфлю с лентой.

— Держится?

— Уже не единственная часть меня, которая держится на ленте.

Бет протянула паспорт охраннику. Тот переписал имя, адрес и время в журнал. Когда дошло до графы «объект свидетельствования», он поднял глаза.

— Вы подтверждаете присутствие какого лица?

— Рокси Марлоу, — сказала Бет.

Перо зависло над бумагой. Охранник попробовал написать фамилию, но чернила оставили пустую бороздку. Он раздражённо встряхнул перьевую ручку.

— Не проходит. Придётся писать «предъявитель».

— Нет, — ответила Бет.

— Это техническая графа.

— А это моя подпись. Я не буду подписывать, что утром у меня завтракал какой-то предъявитель.

Она взяла у него ручку, повернула журнал боком и под пустой графой написала собственными аккуратными буквами: «В 09:17 в моём кафе находилась Рокси Марлоу. Я разговаривала с ней и выдала ей чек. Подтверждаю лично». Потом расписалась. Бумага приняла слова. Рокси увидела, как охранник вытер ладонью лоб.

— У нас нет такой формы, — сказал он.

— Теперь есть запись, — ответила Бет.

Рокси положила рядом утренний чек. Охранник прикрепил его угол к странице тонким бумажным зажимом, не прокалывая. Селеста могла бы оспорить слова Бет. Но чтобы спорить, теперь кому-то придётся хотя бы прочитать их.

У стола появилась сопровождающая. Она отнесла охраннику красную папку и тихо что-то сказала. Тот посмотрел на Бет и замкнул журнал на железную цепочку, прикреплённую к столу.

— Запись принята к хранению, — произнёс он, словно сообщал о потере имущества. — О действительности заявителя запись не свидетельствует.

— О нём пока никто не спрашивал, — сказала Бет.

Рокси молча обняла её. Бет на секунду застыла, держа паспорт в одной руке, потом крепко прижала ладонь к её спине.

— Мне надо вернуться, — сказала она. — Но если опять забудешь поесть, я имею право быть недовольной даже без государственной регистрации.

— Вернись в кафе. И, Бет… если Клара позвонит, просто направь её к Джею.

— Уже направила. Она спрашивала, почему ты бросила свадьбу.

— Я не бросила.

— Я так и сказала. Не поверила.

Они разошлись у ступенек. Бет ушла к улице, не оборачиваясь, хотя Рокси видела, что подруга несколько раз сжимала паспорт в кулаке.

В коридоре возле лифтовой ниши кто-то уронил жестяную коробку. По полу раскатились пуговицы, несколько из них покатились прямо к ногам Рокси. Феликс присел их собирать. Он поднял голову из-под красной форменной фуражки.

— Нашли, что искали?

— Мне сообщили, что моя подпись настоящая, я не существую и последнее утро можно провести с повышенным комфортом. В общем, полезный визит.

Феликс перевёл взгляд на её ключ с красной биркой, который свисал из бокового кармана сумки.

— Директор показывала вам титульный лист?

— Белый. Новенький. Под ним старый акт. Вы знаете, что там написано?

— Не всё.

— А кто знает?

Феликс поднял последнюю пуговицу. Она оказалась не пуговицей, а крошечным круглым зеркалом. Он положил её на ладонь Рокси. В зеркале отражалось не её лицо, а кусок кабинета Селесты: золотой пресс, папка и свет из окна. Отражение дрогнуло и погасло.

— Ключ, — сказал Феликс. — Можно посмотреть?

Рокси крепко сжала девятку.

— Смотрите отсюда.

Он не обиделся. Возле старой ниши лифта, где прежде была только полоска чужой краски, обнаружилась узкая металлическая пластина с девятью отверстиями. Феликс провёл по ним пальцем. В восьмом отверстии зашевелилась пыль; девятое оставалось чистым.

— Вас доставили по личному маршруту, — объяснил он. — Он привязан к существующей ветви. Но ваш ключ старше переподшивки. Он помнит прежний доступ.

— Куда?

— К общему прошлому. Точнее, к маршрутам, которые от него разошлись.

Она вставила ключ в девятое отверстие. Пластина тихо щёлкнула, и в стене проступила тонкая вертикальная щель. Рокси узнала запах старого лифта: пыль, дождь и нагретое железо.

На этот раз за дверью не было ни лестницы, ни облаков. Три коридора расходились от маленькой площадки. В каждом горела лампа другого цвета. На дальних дверях висели бумажные ярлыки с одной и той же фамилией, написанной разным почерком.

— Марлоу, — прочла Рокси.

— Вы видите только маршруты, — сказал Феликс. — Не людей. Пока.

— Сколько их?

— Больше одной.

— Вы очень стараетесь отвечать как можно менее полезно.

— Потому что полезный ответ может отправить вас не туда. Нельзя поменяться с другой версией местами, мисс Марлоу. И нельзя заставить её отвечать за ваши решения.

Рокси вспомнила белый титульный лист и коричневые дырочки в старом акте. Где-то существовала папка, которую не переподшивали четыре месяца назад. И, возможно, женщина, которая помнила больше неё.

— Значит, остальные Рокси…

— Живут в тех случаях, где вы когда-то выбрали иначе. До одного дня семнадцать лет назад у вас было общее прошлое.

Она посмотрела на ярлыки. Из левого коридора донёсся стук каблуков и чей-то раздражённый голос, очень знакомый по интонации:

— Я сказала, что не буду ничего подписывать, пока не увижу вторую страницу.

Рокси повернула голову к Феликсу.

— Похоже, мы все одинаково не любим сюрпризы, — сказала она.

— Не все, — ответил он и придержал для неё дверь.

Глава 5

Женщина, которая уехала

— Я сказала: вторую страницу. Не краткое содержание, не заверенную выжимку. Страницу.

Женщина в конце коридора стояла вполоборота, прижимая к груди серую папку. Она говорила с медной решёткой, за которой не было видно собеседника. На ней были тёмные брюки, вытертые на коленях, и пальто с зашитым карманом. Волосы она собрала в низкий узел; одна прядь выбилась и прилипла к щеке. Рокси прежде никогда не видела себя с таким выражением лица: раздражение без малейшего желания понравиться.

— Вы не первая, кто её просит, — сказала решётка.

— Я в курсе. Первой была я же, во вторник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.